

когда правительство было встревожено новой революционной грозой въ Западной Европѣ, принесъ съ собою еще большее недовѣріе государя къ университетамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ графу Уварову, цѣлостность системы котораго должна была нарушиться; съ удаленіемъ его наступило еще болѣе тяжелое время для народнаго просвѣщенія. Въ видахъ правительственной политики требовалось нанести еще сильнѣйшій окончательный ударъ свободному развитію научнаго образованія. Такое впечатлѣніе производили на государя событія, происходившія съ 1848 г. на Западѣ. Назначая въ 1850 году новаго министра, Николай Павловичъ напутствовалъ его словами: «Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному ученію». Новый министръ, князь Ширинскій-Шахматовъ, былъ уже точнымъ исполнителемъ Высочайшихъ повелѣній и указаній, имѣвшихъ цѣль усилить строгость правительственнаго контроля надъ учебными заведеніями. Онъ ревностно стремился къ осуществленію началъ, заявленныхъ императоромъ Николаемъ въ послѣдніе годы его жизни¹⁾.

Такимъ образомъ, обобщая всѣ результаты дѣятельности министерской власти на поприщѣ народнаго образованія, приходится сказать, къ какому плачевному результату пришло образованіе въ Россіи къ концу царствованія Николая I. Нельзя не видѣть, что его направленіе опредѣлялось, главнымъ образомъ, отдѣльными циркулярами и Высочайшими рескриптами, которые затѣмъ и должны были, получивъ законодательную санкцію, лечь въ основаніе всѣхъ реформъ, относящихся къ области народнаго образованія.

Чрезвычайныя событія на западѣ все болѣе и болѣе отводили мѣсто въ этихъ реформахъ ви-

¹⁾ Историч. обзоръ дѣят. мин. народ. просвѣщ. 220—229 стр.

дамъ правительства. Въ этихъ видахъ дѣлалось все, что только могла дѣлать не стѣсняемая ничѣмъ, кромѣ воли монарха, министерская власть. Она доходила въ дѣлахъ предупрежденія свободнаго развитія университетской молодежи до того, что признавала «зломъ превыше всѣхъ прочихъ» возможность у студентовъ мысли, что они составляютъ отдѣльное сословіе, имѣющее свои виды, свой голосъ и даже свои права. «Въ силу такого своего мнѣнія, Норовъ указывалъ попечителямъ, въ видахъ вѣщаго укрѣпленія законнаго порядка, чтобы «въ продолженіе университетскаго ученія студенты in corpore не должны быть допускаемы ни къ какому общему изъявленію общей мысли». Наконецъ, чтобы «положить начало постепенному, такъ сказать, очищенію университетовъ» рѣшено было усилить строгость пріемныхъ экзаменовъ.

Не отрицая и хорошихъ сторонъ университетскаго Уваровскаго устава, какъ предъявлявшаго высокія требованія къ университетскимъ дѣятелямъ и студентамъ, нельзя, однако, не замѣтить, что послѣдующія за 1835 годомъ циркулярныя министерскія распоряженія сгладили многія изъ хорошихъ сторонъ. Установленіе комплекта студентовъ въ университетахъ, запрещеніе поѣздокъ за границу съ ученой цѣлью, распоряженіе доставлять литографированныя лекціи за подписями профессоровъ въ публичную бібліотеку, по справедливому мнѣнію автора историческаго обзора дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, было только началомъ тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыя при слѣдующемъ министрѣ, князѣ Ширинскомъ-Шахматовѣ парализовали нормальное дѣйствіе устава 1835 г. Тотчасъ, напр., по выходѣ въ отставку гр. Уварова въ 1849 г. окончательно была наложена рука на выборное начало. Указомъ ченату 11 октября предписано министру избирать ректоровъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, изъ лицъ, имѣющихъ ученія степени, на неопредѣленное время. Министру

также дано право «продолжать пребываніе профессоръ въ званіи декана и увольнять отъ онаго прежде срока по своему усмотрѣнію». Охранительная министерская опека коснулась и сущности самой университетской науки. Циркуляромъ 13 декабря 1850 года министромъ было сдѣлано распоряженіе, чтобъ диссертациі, написанныя для полученія ученыхъ степеней, были благонамѣреннаго содержанія и чтобы при разсмотрѣніи и при ихъ защитѣ не «допускать въ смыслѣ одобрительномъ обсужденія началъ, противныхъ нашему государственному устройству». Были введены весьма существенныя измѣненія и въ учебныхъ планахъ университетовъ. 7 ноября 1849 г. было приостановлено преподаваніе государственнаго права, дабы, какъ было сказано въ докладѣ Ширинскаго-Шахматова, «никакое превратное примѣненіе не могло найти мѣста въ умахъ молодыхъ людей, посѣщающихъ университетскія лекціи». По докладу того же князя Ширинскаго-Шахматова въ 1850 году Высочайше повелѣно было упразднить преподаваніе философіи свѣтскими профессорами, возложить чтеніе логики и психологіи на профессоровъ богословія и программы по этимъ наукамъ составить по соглашенію министерства и съ духовнымъ вѣдомствомъ. Естественно, что такое преподаваніе философіи, по словамъ доклада министра, «сроднило эти науки съ истинами откровенія». Также и въ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній путемъ циркуляровъ сдѣлано много существенныхъ измѣненій сравнительно съ уставомъ 1835 года. Изъ гимназическаго курса были исключены послѣдніе остатки наукъ философскихъ и общественныхъ. Такъ, циркуляръ 17-го ноября 1844 года предписалъ соединить преподаваніе статистики съ географіей, «ограничиваясь только выводами данныхъ, принадлежащихъ статистикѣ, отсѣкая отъ сей послѣдней всякія разужденія, имѣющія ближайшую связь

съ политическими науками». Спустя три года, другимъ циркуляромъ прекращалось преподаваніе логики въ тѣхъ видахъ, что оно, якобы, бесполезно «и только оставляетъ въ памяти учениковъ отвлеченныя, темныя понятія». Зато ярче выступило въ гимназіяхъ преподаваніе древнихъ языковъ. Такимъ образомъ изъ гимназическаго преподаванія было устранено все, что могло развить и хорошо приготовить учащуюся молодежь къ университетскому преподаванію.

Еще плачевнѣе было поставлено начальное народное образованіе. Здѣсь министерству почти ничего не пришлось измѣнять. Виды правительственной политики требовали только того, чтобы сдерживать ревность тѣхъ изъ помощниковъ, кто желалъ бы сдѣлать многое для образованія крестьянскаго сословія. Такъ, рескриптомъ 9-го мая 1837 года требовалось, «чтобы въ тѣхъ училищахъ, кои нынче существуютъ или впредь заведены быть могутъ помѣщиками для обученія крѣпостныхъ ихъ людей въ собственныхъ ихъ селеніяхъ, сохраняемы были тѣ же самые предѣлы, какіе вообще постановлены для училищъ низшихъ... Уѣздные предводители дворянства обязаны имѣть за симъ ближайшій и самый точный надзоръ, донося подъ собственною ихъ отвѣтственностью своевременно и по порядку о всякомъ отступленіи, какое ими будетъ замѣчено» ¹⁾.

Нельзя не видѣть изъ этого рескрипта той же боязни широкаго народнаго образованія, которую мы раньше отмѣтили въ дѣятельности Шишкова. Теперь это образованіе чрезъ представителей дворянства ставилось подъ непосредственное вѣдѣніе министра народнаго просвѣщенія, который долженъ былъ неукоснительно наблю-

¹⁾ Истор. обоз. дѣят. Мин. Народ. Просвѣщенія 219—283 стр.

дать, чтобы оно было согласовано съ тѣмъ рабскимъ положеніемъ, которое занимало тогда наше крестьянское населеніе. Удержать его въ рабствѣ могло только невѣжество.

Изложенное наглядно намъ рисуется то различное взаимоотношеніе, въ которомъ находилась министерская власть, какъ въ отношеніи къ Верховной власти, ревностной исполнительницей рескриптовъ которой она должна была служить, такъ и въ отношеніи къ вѣдомству, во главѣ котораго она была поставлена. Общимъ характеромъ подчиненныхъ министерству вѣдомствъ являлись полная беззащитность и безправіе: въ средѣ высшихъ государственныхъ учреждений чувствовалось отсутствіе самостоятельнаго въ отношеніи къ министерской власти органа—выразителя народныхъ нуждъ и потребностей. Тогда просвѣщеніе въ странѣ сдѣлалось бы выраженіемъ общественныхъ потребностей, а не служило бы только однимъ видамъ правительственной системы, а вмѣстѣ съ тѣмъ направлялось бы правительственными распоряженіями, согласными съ законодательными актами, но не циркулярами, идущими въ обходъ уставовъ и другихъ законодательныхъ актовъ.

Министерская власть и цензура при Николаѣ I.

Литература раздѣляла одну участь съ народнымъ просвѣщеніемъ, параллельно съ нимъ и почти одновременно испытывая на себѣ вліяніе министерской власти. Еще въ предшествующее царствованіе цензурный гнетъ князя Голицина становился слишкомъ тяжкимъ и невыносимымъ. Съ назначеніемъ на министерскій постъ такого реакціонера, какимъ являлся адмиралъ Шишковъ, строгость цензуры еще увеличилась. Непосредственно послѣ событий 14 де-